

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ VII.

1907.
ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

Отрывки о книгахъ:

П. А. Потъкинъ. Изданія постоянной комиссiи народныхъ чтенiй: <i>А. Н. Канашъ.</i> Чужое добро въ прокъ не идетъ	120
О. Д. Жволонскъ. К. Гумковскiй. Ученiе о теплотѣ въ связи съ вопро- сомъ о строенiи вещества	122
О. Д. О. П. Герасимовъ. Изъ записной книжки	125
— Книжныя новости	126

Современная исторiя.

В. М. Истринъ. Новая программа курса русской словесности въ средне-учебныхъ заведенiяхъ (<i>окончанiе</i>)	1
О. Л. Степановъ. Обзоръ проектовъ реформы средней школы въ Россiи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтiе (1899—1906 гг.)	34
Н. П. Кондаковъ. В. В. Стасовъ (<i>некрологъ</i>)	51

Отдѣлъ классической филологiи.

В. К. Мальбергъ. Этюды по древне-греческой газовой живописи (<i>продолженiе</i>)	1
И. В. Нетушилъ. Первый римскiй диктаторъ (<i>продолженiе</i>)	20

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го января).

В. В. СТАСОВЪ.

(Некрологъ).

Покойный Владиміръ Васильевичъ Стасовъ былъ, по общему убъ-
жденію всѣхъ, лично его знавшихъ, замѣчательно дѣльной натурою,
а по взгляду многихъ авторитетныхъ людей, былъ *большимъ* рус-
скимъ человѣкомъ. Такъ выходило само собою, что даже общія су-
жденія и отзывы о покойномъ вращались, болѣе или менѣе, въ пре-
дѣлахъ этой общей оцѣнки и имѣли видъ или неподдѣльнаго восхи-
щенія при мысли о достоинствахъ его натуры, или изрѣдка сожалѣ-
ній объ его увлеченіяхъ. Повидимому, съ давнихъ поръ (узнавши
лично В. В. Стасова только въ 70 годахъ прошлаго вѣка, я уже
тогда засталъ это общее отношеніе къ нему) всѣ какъ-то условились
признавать замѣчательную разносторонность и богатую одаренность
этого человѣка, не ограничивая сферу его дѣятельности какою-либо
одною спеціальностью. Врядъ ли кому другому изъ его современни-
ковъ приводилось быть столь разнообразнымъ въ своихъ научныхъ,
литературныхъ, художественныхъ и общественныхъ интересахъ и—
главное—врядъ ли кому другому, при подобной пестротѣ духовныхъ
интересовъ, удавалось встрѣтить полное оправданіе или даже призна-
ніе правъ на существованіе въ спеціальной литературѣ. Для всѣхъ
насъ, современниковъ В. В. Стасова, было особенно труднымъ опре-
дѣлить, въ какой именно профессіи В. В. Стасовъ являлся наиболѣе
признаннымъ дѣятелемъ: трудно потому, что компетентность каждого
изъ насъ простиралась исключительно на работы или по археологін
или по художественной критикѣ, а онъ писалъ, между тѣмъ, и по
исторіи литературы, и по исторіи искусства, и по вопросамъ новаго
искусства, особенно русскаго, и по музыкѣ, и прочее. Съ этой точки

зрѣнія, весьма возможно, что наши взгляды на значеніе личности и дѣятельности В. В. Стасова не чужды увлеченія. Но не лишено интереса то убѣжденіе иныхъ, что центромъ тяжести въ литературной дѣятельности покойнаго были его археологическія работы (которыя по существу мы и будемъ имѣть въ виду въ этомъ послѣднемъ некрологѣ замѣчательнаго писателя), тогда какъ другіе полагаютъ все значеніе В. В. Стасова въ его критическихъ статьяхъ по новѣйшему искусству, или даже по музыкѣ.

В. В. Стасовъ и въ жизни и въ своихъ „писаніяхъ“ (какъ любилъ онъ выражаться), какъ бы ни были они разносторонни, былъ всегда самимъ собою, однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ В. В. Стасовымъ, и ничуть не измѣнялъ „ни іоты, ни черточки“ въ своихъ общихъ взглядахъ, отношеніяхъ къ дѣлу и предмету, принимался ли онъ за орнаменты, или за тему, касающуюся музыки. Во всѣхъ сочиненіяхъ В. В. Стасова бросается въ глаза удивительная цѣльность самого автора.

Дѣло въ томъ, что В. В. Стасовъ во всю свою шестидесятилѣтнюю литературную и ученую дѣятельность вносилъ всегда столь ярко окрашенную національную идею, что можетъ быть названъ у насъ наиболѣе виднымъ искателемъ русскаго народнаго идеала въ литературной и художественной критикѣ. Въ данномъ случаѣ, однако, нужно строго отличать это неуклонное слѣдованіе В. В. Стасова за русскимъ идеаломъ отъ всего того, что въ нашей литературѣ принято называть въ одномъ случаѣ „націонализмомъ“, а въ другомъ—„народничествомъ“. В. В. Стасовъ, по существу, никогда не былъ ни русскимъ націоналистомъ, ни народникомъ, выражаясь его собственными словами, ни въ одну минуту своей жизни. Этими словами, какиимъ бы общимъ характеромъ они ни отличались, въ послѣднее время принято у насъ пользоваться для характеристики крайне узкихъ тенденцій, сбившихся съ толку, вслѣдствіе своей односторонности, и порвавшихъ во многихъ мѣстахъ, благодаря своей тонкости. В. В. Стасовъ, и какъ писатель и какъ человѣкъ, былъ, дѣйствительно, широкою русскою натурою въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Прославлять все то русское, что казалось ему хорошимъ и достойнымъ, а главное, черезъ посредство печатнаго слова, настойчиво, неустанно и горячо, искренно требовать отъ всѣхъ другихъ, отъ всякаго читателя опѣнить то или другое хорошее русское явленіе, обратить къ нему всѣ свои симпатіи—такова была по преимуществу литературная задача В. В. Стасова, его общественная роль. Не будучи націоналистомъ,

стремительно ополчаясь на многія стороны русской жизни, В. В. Стасовъ являлся въ нашей литературѣ живымъ поборникомъ общественной свободы; западникъ по своему образованію, вкусамъ, привычкамъ, по своей страсти къ путешествіямъ по Европѣ, къ заграничнымъ выставкамъ, онъ былъ въ то же время представителемъ русской народной идеи въ литературѣ, искусствѣ, музыкѣ и даже наукѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны ея содержания. Правда, постепенно расширяя кругъ предметовъ, его интересовавшихъ, вообще сферу своихъ духовныхъ симпатій, онъ рано ввелъ старину и древность, какъ предметъ своего главнаго любительства, если не своей специальности, въ свою рано начавшуюся литературную дѣятельность. Даже къ археологіи искусства В. В. Стасовъ подошелъ именно съ этой стороны русскихъ народныхъ основъ и формъ, и до конца жизни его интересовали исключительно вопросы, такъ или иначе входившіе въ кругъ народнаго искусства. Литературные идеалы В. В. Стасова коренились, несомнѣнно, на почвѣ европейскаго романтизма, широко привившагося въ нашемъ просвѣщеніи въ періодъ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Извѣстно, какъ разнообразны были литературныя и бытовыя стороны русской жизни, воспитанныя этою западною прививкою. Не входя въ подробности, скажемъ, что сообразно условіямъ грубой, мало культивированной почвы, этотъ романтическій пересадокъ выразился у насъ также въ грубомъ явленіи нѣкотораго политическаго обскурантизма, сыгравшаго крупную роль послѣ эпохи декабристовъ. Въ данномъ случаѣ главные вопросы изслѣдованія относятся къ исторіи русской литературы, которая одна со своими матеріалами въ состояніи разобрать происхожденіе и ростъ какого-либо Даля. Литература въ данномъ случаѣ, какъ область болѣе легкая и подвижная, шла впереди; какъ наиболѣе духовная форма выраженія идеи, она была глубже и яснѣе и, какъ болѣе доступная и многосторонняя сфера, была болѣе разработана. Однако же, и въ художественной сферѣ,—въ искусствѣ и нарождавшейся русской археологіи, къ которой рано, уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, обратился В. В. Стасовъ, національные вопросы стали своего рода девизомъ еще въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. „Раньше того эти вопросы могли бы казаться никому ненитересными. О національности, типѣ, фізіономіи, одеждѣ, всей вообще жизненной обстановкѣ славянъ и русскихъ, у насъ еще не возникало заботы, всякій хлопоталъ только о классицизмѣ и европействѣ, о приближеніи къ нимъ. По капризу и примѣру Петра I, Россія въ продолженіе всего XVIII вѣка въ дѣлѣ искусства всего

болѣе заботилась о томъ, какъ бы казаться поменьше русскою и побольше иностранною“. Такъ говорилъ В. В. Стасовъ уже въ 1902 году, какъ бы припоминая процессъ выхода своего поколѣнія (поколѣнія сороковыхъ годовъ) на духовную дѣятельность, отмѣченную русскимъ характеромъ. В. В. Стасовъ засталъ еще въ живыхъ перваго провладывателя путей къ познанію русской древности и русской народной дѣйствительности А. Н. Оленина, президента Академіи художествъ и директора Публичной библіотеки, бывшаго въ то время, по словамъ того же В. В. Стасова, какъ бы верховнымъ опекуномъ, совѣтчикомъ и пождомъ русскаго искусства. Самъ В. В. Стасовъ еще въ дѣтствѣ до 12 лѣтъ заинтересованъ былъ особенно живо искусствомъ, воображалъ, что будетъ архитекторомъ, поступить въ Академію художествъ, еще 10 лѣтъ дѣлалъ онъ архитектурные чертежи и сочинялъ и вычерчивалъ по всѣмъ правиламъ циркулемъ и по масштабу проекты домовъ, колоколенъ и церквей.

Отецъ В. В. Стасова, извѣстный архитекторъ и знатокъ архитектуры, возилъ сына на всѣ свои постройки и руководилъ его, когда мальчикъ изъ подаренныхъ ему крохотныхъ кирпичей изъ обожженной глины складывалъ по планамъ и чертежамъ большіе правильные дома со всѣми деталями. Понятно, почему, даже пробывши шесть лѣтъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ только музыка играла важную роль, а объ искусствѣ не было и помину, молодой В. В. Стасовъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, вновь увлекся, и на всю жизнь, искусствомъ. Когда въ 1840 году въ Казанскомъ соборѣ, въ видѣ запрестольнаго образа, поставили знаменитую въ то время картину Брюллова: „Взятіе Божіей Матери на небо“, молодой В. В. Стасовъ по утрамъ ходилъ въ соборъ проводить тамъ часы въ созерцаніи этой картины. Затѣмъ служилъ въ Публичной библіотекѣ, которая, по словамъ В. В. Стасова, въ теченіе 50-хъ годовъ „сдѣлалась однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ общезвѣстныхъ и общелюбимыхъ мѣстъ русской публики, желающей и нуждающейся заниматься дѣломъ“, В. В. Стасовъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, въ 1861 году, скорбѣлъ и возмущался тѣмъ, „какъ у насъ у всѣхъ слишкомъ мало чувства историческаго“. Поэтому естественно, что свою любовь къ искусству, свои вкусы покойный перенесъ на историческую почву русской древности и народной старины. Въ этомъ отношеніи В. В. Стасовъ былъ сходенъ и родствененъ съ другимъ замѣчательнымъ русскимъ археологомъ, Дмитріемъ Александровичемъ Ровинскимъ, своимъ сверстникомъ, также правовѣдомъ, также истиннымъ и горячимъ любителемъ русской

старины и искусства вообще. Кому случалось видѣть вмѣстѣ, въ горячей бесѣдѣ (одно время — каждое воскресенье), этихъ двухъ русскихъ людей, тотъ никогда не забудетъ необыкновенной ихъ жизненности и живости ихъ разнообразныхъ интересовъ; и въ то же время не мало приходилось дивиться ихъ неустанному, часто крайне мелочному, кропотливому трудолюбію въ ихъ, замѣчательныхъ и по своимъ размѣрамъ, научныхъ, археологическихъ коллекціяхъ и предпріятіяхъ. Если такимъ людямъ придается иногда имя „собрателей“ и „любителей“, то этимъ только украшается самое имя, вводящее ихъ въ сонмъ тѣхъ знаменитыхъ дилетантовъ Европы, которые были основателями наукъ и знанія. Кромѣ Ровинскаго, тѣсная дружба съ извѣстнымъ архитекторомъ И. И. Горностаевымъ, съ которымъ В. В. Стасовъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ археологическаго характера, сильно повліяла на самый родъ занятій покойнаго, на его вкусы и пристрастія.

Даже самый капитальный трудъ В. В. Стасова — его знаменитый атласъ „Славянскаго и восточнаго орнамента по рукописямъ древняго и новаго времени“, заданный въ 156 таблицахъ большого инфоліо съ 20 и болѣе рисунками на каждой таблицѣ, былъ вызванъ, по словамъ самого изслѣдователя, сначала лишь „желаніемъ доказать, что въ русско-славянскихъ рукописяхъ, украшенныхъ заставками, миниатюрами, фигурными инициалами, вообще орнаментикою, не все заимствовано изъ болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ оригиналовъ, а, напротивъ того, многое происхожденія собственно-русскаго, многое самобытно и оригинально въ своемъ народномъ источникѣ“. Положимъ, что въ словахъ людскихъ, прежде всего, не слѣдуетъ вѣрить указаніямъ мотива ихъ поступковъ (эти мотивы имъ самимъ всего менѣе извѣстны, по крайней мѣрѣ, мотивы истинные и дѣйствительные), но въ данномъ случаѣ В. В. Стасовъ указалъ даже поводъ къ началу его работы. Это была выставка русско-славянскихъ рукописей въ Публичной бібліотекѣ, устроенная въ 1856 году. Очевидно, и устроители выставки, и собравшіеся около нея ученые всѣ въ унисонъ твердили о заимствованіяхъ, о вліяніяхъ; и, дѣйствительно, въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго вѣка, когда только что начали разбираться въ этомъ богатомъ археологическомъ матеріалѣ, были слѣданы лишь эти первые наблюденія. Въ результатъ такихъ наблюденій бросается въ глаза и удерживается въ памяти прежде всего сходство (различіе же — вопросъ тонкій, доступный только глубокому продолжительному знанію, опыту сравненія и сличенія), а потому при всякомъ обмѣнѣ мыслей повто-

рлся этотъ вопросъ о „вліяніяхъ“, это завѣтное общее мѣсто для начинающихъ археологовъ. И вотъ въ результатѣ словесныхъ преній, на которыя былъ покойный Владиміръ Васильевичъ столь, какъ извѣстно, падохъ, онъ рѣшился предпринять колоссальный по своей мелочности, непреоборимымъ трудностямъ, трудъ, стоившій ему неустанной работы 27 лѣтъ. Правда, Владиміръ Васильевичъ ничего не доказалъ въ концѣ концовъ,—даже, скажемъ прямо, ничего не пытался доказать и, какъ извѣстно, все это громадное предпріятіе, этотъ громадный альбомъ, созданный съ невѣроятнымъ самопожертвованіемъ, остался безъ текста. Этотъ трудъ есть воплощеніе всей личности В. В. Стасова, всего его характера и его идеаловъ. Вся задача его здѣсь была непрестанно въ томъ, чтобы взять вопросъ какъ можно шире, чтобы какъ можно болѣе раздвинуть рамки, охвативъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ горизонты обширнаго, разбросавшагося, разрозненнаго, разсѣяннаго и раздѣленнаго славянскаго племени. В. В. Стасовъ предпринималъ съ 1862 по 1881 годъ рядъ путешествій для обзорнія и работъ въ различныхъ библіотекахъ. Онъ работалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Берлинѣ, Бѣлградѣ, Прагѣ, въ Венеціи, Римѣ, Болоньѣ, Флоренціи и Мадридѣ. Большинство изданныхъ имъ рисунковъ, орнаментовъ и инициаловъ скопированы съ оригинала имъ самимъ и изданы съ такою точностью, которую только допускала хромофотографія (цвѣтныя, механическія воспроизведенія фотографіею въ то время еще не были извѣстны), и въ данномъ дѣлѣ мелкая аккуратность покойнаго, его скрупулезная точность сослужили ему большую службу, давъ ему возможность выполнить работу, которая была бы по силамъ только цѣлой коллегіи ученыхъ. Въ этомъ альбомѣ представлены снимки съ рукописей болгарскихъ, сербскихъ, герцеговинскихъ, черногорскихъ, румынскихъ, молдавлахійскихъ и самыхъ разнообразныхъ русскихъ, а затѣмъ для сравненія орнаменты и рукописи византийскихъ, сирійскихъ, арабскихъ, коптскихъ, эіопскихъ, армянскихъ и грузинскихъ. Весьма основательная и существенная критика была предъявлена къ этому изданію со стороны именно русскаго орнамента и его видовъ или подраздѣленій академикомъ А. И. Соболевскимъ и И. В. Ягичемъ. Оказывалось, что для наиболѣе интересныхъ памятниковъ письма, именно *русскихъ*, не такъ-то легко было распредѣлять ихъ по отдѣламъ: южно-русскому (Кіевъ, Галичь, Волинь, Черниговъ), сѣверно-русскому (Новгородъ, Псковъ), восточно-русскому (Ростовъ, Суздаль, Рязань и пр.), западно-русскому и средне-русскому (Москва, Пижнй и пр.).

Ограждая ученую славу покойнаго, слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что и въ данномъ вопросѣ его промахи и ошибки относились къ чуждой ему сферѣ и были вызваны крайними трудностями дѣла, въ которомъ едва начинаютъ разбираться сами специалисты.

Лично мнѣ остается совершенно неизвѣстнымъ, найдется ли среди бумагъ покойнаго какой-либо текстъ или хотя бы матеріалъ для составленія текста къ альбому орнаментовъ. Я могу засвидѣтельствовать только то, что покойный постоянно говорилъ объ этомъ текстѣ, выражалъ желаніе бросить всѣ остальные, отвлекавшія его отъ этой главной его задачи, литературныя, обыкновенно срочныя, работы, чтобы предаться, какъ онъ выражался, одному этому дѣлу. Повидимому, задача эта такъ и осталась только желаніемъ его, да и мы сами, упрасивая его написать этотъ текстъ, не вѣрили въ его осуществленіе и, главное, можно въ этомъ открыто признаться, такъ какъ это ничуть не умаляетъ уваженія къ памяти покойнаго, никогда не вѣрили, чтобы В. В. Стасовъ могъ исполнить эту задачу на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій. Возможно, что и самъ В. В. Стасовъ, со своей обычной тонкостью, понималъ послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, трудность этого обширнаго дѣла заключается въ томъ, что эта задача можетъ быть разрѣшена лишь на послѣднемъ планѣ ряда научныхъ задачъ, нынѣ предпринимаемыхъ съ такими усиліями русскою и западно-европейскою археологіею. Въ самомъ дѣлѣ, кратко говоря, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи исторически сравнивать между собою орнаментацию рукописей, надо, чтобы была сколько-нибудь научно построена археологія бытовыхъ, религіозныхъ и государственныхъ древностей Европы въ средне-вѣковомъ періодѣ. Дѣло едва начатое. Достаточно указать, напримѣръ, что для настоящей постановки вопроса о такъ называемомъ звѣриномъ или зооморфическомъ орнаментѣ въ рукописяхъ, необходимо достигнуть сперва научной постановки исторіи звѣринаго стиля въ средне-вѣковыхъ древностяхъ вообще,—задачи необыкновенно сложной и прямо громадной по своему объему, такъ какъ дѣло касается не только варварскихъ древностей Средней Азіи и Сибири, Европейской Россіи, Венгрии и Балканскаго полуострова и, такъ называемаго, скандинавскаго стиля, но также обширной полосы романскаго стиля, идущей изъ Греціи черезъ славянскія страны въ Тироль, Швейцарію, Италію и Испанію и восходящей затѣмъ на сѣверъ до Суздальскаго края.

Инициатива изученія русскаго народнаго творчества въ ткацкомъ и вышивномъ мастерствѣ составляетъ историческую заслугу В. В.

Стасова, которому принадлежит какъ одно изъ первыхъ собраній издѣлій этого мастерства, сдѣланное при томъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ, такъ и изданіе въ свѣтъ сборника рисунковъ по этому виду издѣлій. Въ 1872 году въ изданіи Общества поощренія художниковъ подъ заглавіемъ „Русскій народный орнаментъ“ появился первый выпускъ: „Шитье, ткани и кружева“ съ объяснительнымъ текстомъ В. В. Стасова на русскомъ и французскомъ языкахъ съ атласомъ 75 таблицъ. Изданіе это обратило на себя вниманіе всѣхъ специалистовъ, знатоковъ и цѣнителей, но не разбудило холоднаго равнодушія русской интеллигентной публики и осталось до послѣдняго времени нераспроданнымъ. Русское исконное, ни къ чему не любопытное невѣжество являлось основнымъ препятствіемъ и во всѣхъ предпріятіяхъ подобнаго рода, задерживая и обезсиливая всякую попытку внести въ русское интеллигентное общество духовные, національные интересы. Послѣ блестящаго начала, положеннаго В. В. Стасовымъ по общему предмету ознакомленія русской публики съ различными видами народнаго художественнаго мастерства, мы знаемъ четыре-пять небольшихъ или начатыхъ изданій и сборниковъ орнаментовъ, каталоги и указатели по громаднымъ собраніямъ, и лишь въ самое послѣднее время налаживаются и появляются крупныя предпріятія, которыхъ литературная судьба еще въ будущемъ. Но по самому мастерству тканей и вышивокъ, кромѣ изданія узоровъ стариннаго шитья на головныхъ уборахъ Тамбовской губерніи Шатскаго уѣзда да еще средне-азиатскаго орнамента въ Нагорной Бухарѣ, и изданія образцовъ малорусскаго народнаго шитья—нельзя было бы указать ничего капитальнаго. Самое изданіе В. В. Стасова остановилось на первомъ выпускѣ, а послѣдующіе выпуски, долженствовавшіе быть посвященными рѣзьбѣ на деревѣ и кости и стариннымъ народнымъ производствамъ: металлическому, гончарному, эмальерному, стеклянному и проч., не состоялись. Такимъ образомъ, до того времени, когда будетъ опубликовано давно обѣщанное изслѣдованіе коллекціи пок. Шабельской, монографія В. В. Стасова остается пока послѣднимъ словомъ, и ея тезисы являются современною стадіею, на которой все еще находится наше научное пониманіе русскаго народнаго мастерства. „Изученіе памятниковъ русскаго народнаго творчества, —говоритъ В. В. Стасовъ въ своемъ введеніи, —приводитъ къ заключенію, что въ вышивкахъ и тканяхъ по холсту уцѣлѣли самыя многочисленныя, самыя оригинальныя, самыя характерныя и самыя значительныя остатки національнаго русскаго художества. На полотencaхъ, простыняхъ, наволокахъ, рубахахъ, передни-

кахъ, женскихъ головныхъ уборахъ и т. д., т. е. вообще на предметахъ самаго постоянного и общераспространеннаго употребленія, на предметахъ, можно сказать, почти не покидавшихъ древне-русскаго человѣка съ утра и до вечера, съ вечера и до утра, дома въ избѣ и на работахъ въ полѣ, въ будни и въ праздники, присутствовавшихъ при обрядахъ начала и конца жизни каждаго, при свадьбахъ и торжествахъ, — однимъ словомъ, всегда и вездѣ — на этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы и религіозныя представленія, и весь наивный складъ фантазіи комбинирующихъ соображеній, остроумныхъ расчетовъ, прилаживанія и ловкаго сплоченія разнообразныхъ составныхъ частей“. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторое преувеличеніе значенія и роли этого народнаго творчества, укажемъ только на опредѣленіе художественной сущности этихъ издѣлій. По словамъ В. В. Стасова въ этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы русскаго народа, и его религіозныя представленія, и наивный складъ его фантазіи, выразившійся въ замѣчательно ловкой композиціи самыхъ разнообразныхъ составныхъ частей. Казалось бы, съ самаго начала слѣдовало, съ точки зрѣнія историка, спросить: производимые русскимъ мастерствомъ рисунки принадлежать ли русскому народу? По этимъ вопросамъ В. В. Стасовъ занимается уже на второмъ мѣстѣ, а на первомъ его исключительно занимаетъ то, что своеобразныя формы „и красота русскаго орнамента обратили, наконецъ, на него то всеобщее вниманіе, въ которомъ ему такъ долго отказывали“ и что въ самой Европѣ „начинаютъ уже цѣнить и любить изящныя и оригинальныя особенности русскаго національнаго орнамента. Любопытная и тонкая игра линий, художественная композиція, гармонія красокъ и равновѣсіе рисунковъ и тоновъ, отличающіе орнаментами сѣверной, восточной и средней Россіи и нѣкоторыхъ мѣстностей Западнаго Края (Смоленской, Витебской и Гродненской губерній), могутъ служить, по его словамъ, драгоценнымъ руководствомъ и совѣтомъ современному русскому художнику, когда онъ пожелаетъ творить въ области и въ характерѣ національнаго искусства. Главнымъ предметомъ восхищенія для В. В. Стасова была композиція узоровъ: какъ первые сочинители узора ставили всегда напередъ главную среднюю фигуру, или главный рядъ фигуръ и затѣмъ заполняли всѣ промежутки формами, имѣвшими второстепенное значеніе, но соответствовавшими сюжету и мастерски размѣщенными на данномъ пространствѣ. Такимъ образомъ интересъ содержанія и эстетическія достоинства вышивокъ являются главными

мотивами, увлекающими автора къ дѣлу разсмотрѣнія этого матеріала въ систематическомъ изслѣдованіи. Главный видъ предметовъ русскаго народнаго быта, покрываемыхъ этими узорами, составляютъ полотенца; за ними слѣдуютъ: простыни, пологи, ширинки, передники, головные уборы и разные предметы. Всѣ эти узоры сводятся къ одной опредѣленной системѣ, чрезвычайно стильной и характерной. В. В. Стасовъ подводитъ всю эту систему къ нѣсколькимъ способамъ, входя въ сложныя подробности. Но, главнымъ образомъ, останавливается на вопросѣ, какъ онъ говоритъ, „величайшей важности“—о происхожденіи этихъ узоровъ, доказывая, что главные и характерныя фигуры русскихъ вышивокъ сходны съ орнаментами и заглавными буквами нашихъ рукописей XIII и XIV столѣтій. Таковы: двуглавая птицы, пары птицъ по сторонамъ, деревья и растенія, фантастическія змѣи подъ деревьями, филины, грифы, львы, человѣческія фигуры, держащія птицъ и животныхъ,—всѣ эти формы, по мнѣнію В. В. Стасова, находятъ себѣ прототипы въ нашихъ памятникахъ древнѣйшей эпохи и въ орнаментахъ рукописей. Послѣ такого хронологическаго приуроченія слѣдуетъ этнографическое ихъ опредѣленіе. Наши узоры, по словамъ В. В. Стасова, имѣютъ родство съ узорами финскими (мордовскими, черемисскими, чувашскими, вотяцкими): геометрическія фигуры, линіи, крестики, зигзаги, ромбы, спирали, рѣшетки и подобныя же фигуры со звѣздами; далѣе наблюдается родство русскихъ вышивокъ съ персидскими узорами въ формѣ: геометрическихъ фигуръ, деревьевъ, животныхъ, звѣздъ, цвѣтовъ. Близайшими прототипами деревьевъ, изображенныхъ на нашихъ полотенцахъ, В. В. Стасовъ считаетъ сасанидскіе памятники, равно какъ большинство животныхъ: львовъ, грифовъ и птицъ онъ находитъ на персидскихъ и арабскихъ матеріяхъ и потому, по его убѣжденію, заимствованіе произошло прямо изъ Персіи, задолго до сближенія древней Руси съ Византіею. Такимъ образомъ должны быть объясняемы многія орнаментальныя сцены съ человѣческими фигурами, а равно изображенія алтарей, огня, священныя деревьевъ. Въ этихъ фигурахъ, говоритъ В. В. Стасовъ, у насъ передъ глазами находятся идолы, люди стоятъ по сторонамъ этихъ идоловъ, держа вѣтви, цвѣты, птицы, жертвенные сосуды, ведра и проч. И вотъ, въ подтвержденіе такого взгляда, В. В. Стасовъ приводитъ рядъ памятниковъ для сравненія и доказательства, что въ нашихъ вышитыхъ узорахъ наблюдаются самыя разнообразныя вліянія чужеземнаго искусства: арабскаго, персидскаго, буддійскаго, но въ результатѣ этихъ сравненій вдругъ получается совершенно противорѣчивый выводъ (стр. 19):

„Незамѣтно также, чтобы къ многочисленнымъ заимствованіямъ и копіямъ великоруссы прибавили какіе-нибудь свои собственные, самостоятельные, вновь созданные элементы и изображенія. Напротивъ, мы вездѣ замѣчаемъ только работу сокращенія и упрощенія. Сверхъ того работа грубаго искаженія и постепеннаго затерянія первоначальныхъ мотивовъ заходила порою такъ далеко, что иногда трудно ихъ отгадать“. Тѣмъ не менѣе, В. В. Стасовъ не сомнѣвается, что при будущемъ, болѣе полномъ изученіи древнѣйшей русской исторіи и міеологии, узоры сѣверной полосы представятъ въ огромномъ количествѣ примѣровъ изображенія древняго славянскаго богослуженія (въ особенности поклоненіе деревьямъ) и праздниковъ русальныхъ.

.. Чтобы представить полную и всестороннюю критику всѣхъ этихъ взглядовъ, потребовался бы прежде всего разборъ всѣхъ фактовъ и всего того сравнительнаго матеріала, который привлеченъ сюда В. В. Стасовымъ, а, въ концѣ концовъ, можно было бы дать новую, болѣе научную, постановку всего вопроса на исторической почвѣ. Но такъ какъ ничего подобнаго при настоящихъ условіяхъ некролога сдѣлать нельзя (а мы рассчитываемъ сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ въ своемъ мѣстѣ), то приходится ограничиться чисто логическими соображеніями по данному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, теорія, предлагаемая покойнымъ, отличается крайнею неопредѣленностью, точнѣе — недосказанностью. Все время рѣчь идетъ о составныхъ элементахъ русскихъ узоровъ, но, если бы даже было безусловно доказано ихъ арабское, сассанидское, финское происхожденіе, то не обязательно ли спросить, какииъ образомъ всѣ эти элементы появились на русскихъ полотенцахъ? Еще, можетъ быть, можно придти къ заключенію, что русскія деревенскія бабы и дѣвочки въ своихъ вышивкахъ могли пользоваться финскими же вышивками; но, спрашивается, откуда онѣ могли бы почерпнуть образцы арабскіе и персидскіе? Отвѣта нѣтъ и не будетъ по той простой причинѣ, что не можетъ быть. Очевидно, постановка дѣла грѣшитъ въ самомъ основаніи, и прежде, чѣмъ говорить объ элементахъ, вліяніи, заимствованіи, надо было рѣшить вопросъ, наши полотенца представляютъ ли копію какииъ-либо чужеземныхъ полотенецъ, и поискать такіа полотенца или вышивки или ткани въ искусствѣ сосѣднихъ, или исторически близкихъ національностей. Со временемъ мы будемъ имѣть случай доказать, что дѣйствительно дѣло оказывается очень простымъ, т. е. что русскія полотенца копируютъ, начиная съ древнѣйшей эпохи Кіевской Руси, образцы византійскіе и арабскіе, а русскія ширинки и передники являются копіями въ болѣе простомъ матеріалѣ съ до-

рогихъ тканей и шитья греко-восточнаго. Когда это будетъ помянуто, вопросъ разрѣшится, конечно, самъ собою; но и въ настоящее время легко было бы придти къ опредѣленному выводу, что въ народномъ искусствѣ не можетъ быть заимствованія элементовъ или отдѣльныхъ рисунковъ и орнаментовъ, а есть только копировка, или воспроизведеніе лучшихъ вносимыхъ образцовъ въ цѣломъ ихъ видѣ, въ формѣ бытового, обиходнаго предмета. Тогда и самый вопросъ о религіозномъ значеніи изображеній на русскихъ полотенцахъ отодвигается въ сторону и можетъ быть поставленъ только послѣ того, какъ будетъ разобрано ихъ декоративное значеніе. Самое сравненіе стилей не можетъ играть роли въ дѣлѣ происхожденія предметовъ: въ русскихъ полотенцахъ могутъ быть всякія подробности, возникшія въ произведеніяхъ стиля сассанидскаго, но черезъ это еще не можетъ быть установлено научной исторической связи сассанидскаго стиля съ русскимъ народнымъ искусствомъ. Очевидно, всѣ эти рисунки должны быть еще изучены въ средѣ греко-восточнаго искусства VII—XII вѣковъ, которое является промежуточнымъ періодомъ между сассанидскимъ и русскимъ и которое должно быть изучено предварительно во всѣхъ своихъ деталяхъ, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи говорить о русскихъ формахъ. Такъ, напримѣръ, два льва по сторонамъ растенія составляютъ сассанидскую художественную тему, но она перешла въ византійскій стиль и въ немъ была измѣнена. Надо опредѣлять, какое измѣненіе въ этомъ стилѣ она получила для того, чтобы быть въ состояніи сказать, какого рода перемѣны, искаженія произошли съ нею на нашихъ полотенцахъ. В. В. Стасовъ остановился, стало быть, на первой стадіи: онъ бралъ схему сассанидскаго или арабскаго рисунка, находилъ ее въ русскомъ полотенцѣ и, видя упрощеніе или искаженіе древнихъ формъ, самъ приходилъ къ выводу, что здѣсь русской художественной работы нѣтъ. Не говоря уже о противорѣчій съ самимъ собою, онъ, такимъ образомъ, забывалъ главную художественную дѣятельность этого производства въ композиціи, предполагаемую имъ ранѣе.

И все-таки небольшой текстъ В. В. Стасова всегда останется владомъ въ исторію народнаго искусства и русскую археологію, а въ свое время онъ настолько будилъ интересъ къ археологіи, къ собиранію, что, не будучи вполне научнымъ, разработаннымъ трудомъ, приносилъ высшую пользу жизненностью постановки и взглядовъ, которая въ исторіи предмета дороже иныхъ полновѣсныхъ трактатовъ.

Даже простой перечень археологическихъ сочиненій и статей В. В.

Стасова, хотя бы только самыхъ крупныхъ, представляетъ замѣчательное разнообразіе. Начавши свою научно-археологическую дѣятельность съ мелкихъ замѣтокъ, правда, стоившихъ ему не мало работы, поѣздокъ и поисковъ по бібліотекамъ, о голосникахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, крестахъ и различныхъ предметахъ русской древности и старины, В. В. Стасовъ рано покинулъ эту область смѣси въ археологическихъ изданіяхъ и уже съ начала 60-хъ годовъ сталъ останавливаться исключительно на предметахъ значительныхъ и вопросахъ, дѣйствительно крупныхъ, такъ что всякая его монографія представляетъ отнынѣ замѣтное явленіе въ археологической литературѣ. Такова, напримѣръ, его *монографія о Владимірскомъ кладѣ*, появившаяся въ видѣ маленькой замѣтки, но утвердившая разомъ „исобыкновенно важное значеніе древнихъ предметовъ велико-княжескаго облаченія, найденныхъ во Владимірѣ въ концѣ 1865 года“. Мы уже имѣли случай указать, какъ вѣрно было угадано въ этомъ замѣчательномъ трактатѣ историческое значеніе „русскихъ кладовъ“ до-монгольскаго періода, между тѣмъ, какъ русская археологія вообще и курганная въ частности еще долгое время держалась отрицательнаго взгляда на это значеніе. Еще болѣе замѣчательно было изслѣдованіе *катакомбы съ фресками*, найденной въ 1872 году близъ Керчи и съ того времени слывущей, въ устахъ археологовъ, подъ именемъ „Стасовской“ катакомбы. И здѣсь былъ интересъ новаго рода. Достаточно указать хотя бы на то болѣе или менѣе равнодушное отношеніе къ фресковымъ росписямъ керченскихъ катакомбъ, которое отчасти было причиною гибели нѣкоторыхъ изъ нихъ, временной утраты другихъ и отсутствія какой-либо научной публикаціи этихъ росписей вообще. Положимъ, само содержаніе фресокъ, открытыхъ въ 1872 году, говорило, такъ сказать, само за себя и заинтересовало всѣ кружки и центры; но и въ данномъ случаѣ энтузіазмъ, проявленный В. В. Стасовымъ къ новому замѣчательному памятнику древности, а главное, къ изображеніямъ скинскихъ временъ, много способствовалъ дѣлу научнаго изданія этихъ фресокъ. В. В. Стасовъ самъ поѣхалъ въ іюль 1873 года въ Керчь для того, чтобы сравнить изготовленные рисунки на мѣстѣ, возстановить или исправить малѣйшія отступленія послѣ тщательной провѣрки, просмотрѣть и свѣрить всѣ рисунки, уменьшенные съ большихъ рисунковъ художника Гросса. Мы не будемъ анализировать въ подробности содержаніе стасовскаго трактата, сдѣланнаго съ большою тщательностью, въ особенности въ вопросахъ о различныхъ деталяхъ изображенія быта, костюмовъ, орна-

ментациі, и уважемъ только на горячее желаніе В. В. Стасова, въ этой статьѣ заявленное, сохранить эти фрески для потомства. Какъ хорошо было бы, мечталъ В. В. Стасовъ, не оставлять на произволь судьбы этотъ капитальный историческій документъ, эту краснорѣчивую страницу лѣтописей въ Керченской пустынѣ. В. В. Стасовъ опасался и праздныхъ прохожихъ и жадныхъ искателей кладовъ, которые будутъ портить или даже уничтожать драгоценныя фрески. Опасенія его болѣе, нежели оправдались, хотя совсѣмъ въ иномъ видѣ. Чтобы охранить катакомбу отъ порчи руками праздныхъ посѣтителей, входъ въ катакомбу присыпали землей; но ее посѣтили затѣмъ не люди, а воды и, заливши, испортили драгоценныя фрески. Нельзя не упомянуть добрымъ словомъ родительское попеченіе В. В. Стасова объ этомъ памятникѣ, не прекратившееся до конца. Онъ до послѣднихъ дней своихъ продолжалъ выражать желаніе, чтобы важнѣйшія фрески этой катакомбы были выпилены изъ горы, закрѣплены гипсомъ и перевезены въ Петербургъ для постановки въ особой копіи съ этой катакомбой въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ музеевъ. Желаніе это, такъ и оставшееся мечтою, врядъ ли могло быть исполнено, такъ какъ самая почва холмовъ, въ которыхъ высѣчены катакомбы, не камень, и слишкомъ хрупка для того, чтобы быть выпиливаемой пластами, а самый слой наброшенной на нее у росписанной фресками штукатурки, очень тонокъ, плохо укрѣпленъ и долженъ рассыпаться при первомъ прикосновеніи.

Было бы трудно прослѣдить ходъ мыслей покойнаго писателя, приведпій его, столь усордно и неустанно говорившаго о самобытности и своеобразности русскаго народа, къ его пресловутому опыту выведенія русскихъ былинъ съ востока. Это такая своеобразная паутинна, для разбора нитей которой, прежде всего, понадобилось бы время и особое мѣсто. Достаточно сказать, что главную роль въ этомъ крупномъ недоразумѣніи покойнаго писателя играло его пристрастіе къ востоку и завѣтное желаніе сказать новое слово въ исторической наукѣ. Достаточно посмотреть, однако, это сочиненіе, напечатанное въ 1868 году въ *Вѣстникѣ Европы* и представленное (на мѣренно), какъ вызовъ на бой, въ Академію наукъ на соисканіе Уваровской преміи, чтобы понять, какого большого труда стоила эта работа ея автору, въ особенности, если сообразить, что къ значительной части этой литературы авторъ привнесулся въ первый разъ и что многое въ его источникахъ оставалось ему неяснымъ. Всѣмъ извѣстно, какія рѣзкія возраженія вызвалъ этотъ трактатъ въ средѣ компетент-

ныхъ знатоковъ и профессиональныхъ специалистовъ и какая страстная, патристически настроенная, полемика примѣшалась въ этомъ случаѣ къ ученому вопросу, тѣмъ болѣе, что побѣда надъ авторомъ противникамъ, по существу, была очень легкою. Сообразно со своими литературными привычками, долго не уступалъ В. В. Стасовъ такимъ знатокамъ дѣла, какъ покойный академикъ Буслаевъ, О. Миллеръ, оставляя за собою послѣднее слово, ловя своихъ противниковъ на мелкихъ неточностяхъ и пытаясь весь историческій вопросъ перевести на обще-литературную почву, на которой онъ могъ бы, что называется, заговорить противниковъ. Съ той поры прошло почти сорокъ лѣтъ, и хотя никто (врядъ ли и была въ томъ надобность) не подвергъ труда В. В. Стасова всестороннему научному разбору, однако же время, всеильное даже въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ, само сдѣлало для истины все главное, что здѣсь требовалось. Всѣ восемь отрицательныхъ выводовъ В. В. Стасова оказались исторически неточными, или прямо ненаучными: русскія былины по прежнему сохраняютъ за собою право называться былинами, по старому заключаютъ въ коренной основѣ своей много русскаго, продолжаютъ давать характеристику начальныхъ временъ русской земли и пр. и пр. Напротивъ того, положительные выводы Стасова, указывающіе въ былинахъ, въ особенности со стороны бытовыхъ деталей, близкое знакомство русскаго племени съ бытомъ или, по крайней мѣрѣ, съ поэтическими сказаніями восточныхъ народовъ, сосѣдившихъ съ Русью, вполне отвѣчаютъ нашимъ современнымъ научнымъ взглядамъ и стоятъ на томъ самомъ пути, по которому направляются научныя изслѣдованія. Даже послѣ рѣзкихъ отзывовъ профессора Буслаева, говорившаго о неподходящей точкѣ зрѣнія на факты, о ненаучномъ способѣ обращенія В. В. Стасова съ фактами, о насильственномъ приравненіи былинъ къ восточнымъ сказаніямъ, о всякаго рода ухищренныхъ натяжкахъ, о произвольныхъ сравненіяхъ, послѣ такого научнаго осужденія, произнесеннаго гласно, несравненно сильнѣе было общее молчаливое отрицаніе за трактатомъ В. В. Стасова какого-либо научнаго значенія. Несомнѣнно, что и въ данномъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ сужденій о научномъ значеніи отдѣльныхъ трудовъ, такое молчаливое отрицаніе вызывалось своего рода поднятнмъ шумомъ, а также и скороспѣлыми выводами, на основаніи сходства нѣкоторыхъ былинъ съ восточными сравненіями, которыми, напримѣръ, сразу рѣшалось дѣло тѣмъ, что богатырь Добрыня есть русское превращеніе индійскаго бога Кришны, что наши „калинъ переходіе“ скопиро-

ваны со странствующихъ браминовъ, что ихъ сумы дорожныя должны бы быть не сумками, но горшками брахмановъ, что даже ихъ гуни путевые суть одежды буддійскихъ монаховъ. Еще болѣе того всѣми чувствовалось и сознавалось, даже помимо всякаго научнаго разбора, что, если въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ сказывается многое, что на самомъ дѣлѣ составляетъ реминисценціи изъ восточныхъ сказовъ, все же, какъ поэтический образъ, Илья является чисто русскимъ народнымъ типомъ и, пожалуй, идеаломъ.

Если въ былинахъ объ Ильѣ разсыпано много свидѣтельствъ о грубыхъ насиліяхъ и жестокихъ правахъ старины, мы все же въ правѣ видѣть и въ Ильѣ и въ Добрынѣ высокія нравственныя черты, а въ самихъ народныхъ воззрѣніяхъ извѣстнаго рода идеализмъ. Неудача взятой В. В. Стасовымъ громкой темы, обозначившаяся совершенно ясно по прошествіи извѣстнаго времени, дѣйствовала на него угнетающимъ образомъ и задерживала его научныя работы въ томъ же кругѣ указанныхъ идей о заимствованіи первообразовъ изъ восточнаго источника, хотя впоследствии В. В. Стасовъ приступалъ уже къ подобнымъ темамъ съ большою осторожностью и сосредоточивался главнымъ образомъ на бытовыхъ вліяніяхъ востока. Эта послѣдняя тема оставалась для него животрепещущей въ теченіе всей его жизни, и онъ готовъ былъ слушать и воспринимать всякаго рода указанія въ этомъ кругѣ идей и фактовъ: Можно искренно сожалѣть, что его замѣчательное усердіе, обнаруженное въ подбораніи самыхъ мелочныхъ деталей, не нашло себѣ надлежащаго примѣненія въ крупной научной работѣ. Взаимнѣя того, В. В. Стасовъ постоянно возвращался къ этой темѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такова, напримѣръ, его любопытная монографія о „серебряномъ восточномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа“ (напечатана въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за 1904 годъ), съ изображеніями Распятія, Воскресенія и Вознесенія и сирійскими надписями. Дополняя, а также исправляя изслѣдованіе блюда, отдѣланное Н. И. Смирновымъ, В. В. Стасовъ совершенно вѣрно указалъ на нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ деталей восточнаго характера, не замѣченныхъ или не понятыхъ изслѣдователемъ. Но съ другой стороны, онъ самъ впалъ въ явные ошибки, отнеся эрмитажное блюдо къ XIII—XIV столѣтіямъ по Р. Хр., заподозривъ даже для этого древность сирійскаго Евангелія 586 года и послѣдовалъ грубой опибкѣ Кроу и Кавальказелле. Въ данномъ случаѣ сказывалась недостаточность восточной эрудиціи покойнаго, а также и нѣкоторое чисто любительское отношеніе къ археологіи христіанскаго искусства.

Исканіе восточнаго вліянія въ русскомъ бытѣ, костюмахъ, вооруженіи и обычаяхъ стало, такимъ образомъ, для В. В. Стасова своего рода манією, которая, однако, дала рядъ прекрасныхъ трактатовъ, замѣтокъ и статей въ самой разнообразной формѣ, монографій, сборниковъ, рецензій и т. д. Благодаря ему, нынѣ можно считать оконченнымъ всякое фантазированіе на тему о руссахъ, описываемыхъ Ибнъ Фодланомъ. В. В. Стасовъ и покойный графъ А. С. Уваровъ окончательно доказали, что эти руссы никакъ не русскіе и не славяне и не варяги, а какой-то тюркскій народъ, жившій на Волгѣ въ со-сѣдствѣ болгаръ. Не мало драгоцѣнныхъ соображеній и указаній, важныхъ для познанія славяно-русской древности, разсыпано и въ одномъ изъ недавнихъ сочиненій В. В. Стасова: *Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джиптайскихъ и персидскихъ*. Здѣсь, съ замѣчательнымъ остроуміемъ въ двухъ профессиональных палачахъ, избивающихъ мучениковъ, В. В. Стасовъ угадалъ болгаръ, представленныхъ въ зимнемъ и лѣтнемъ нарядѣ: весьма характерно, что кожухъ, надѣтый однимъ по голому тѣлу, имѣетъ какъ разъ рядъ петлицъ на груди, украшавшихъ нѣкогда костюмы словаковъ, поляковъ, венгровъ и русскихъ. Столь же любопытны указанія на детали изображеній въ Манассиной лѣтописи.

Но несравненно болѣе значительную роль игралъ В. В. Стасовъ, какъ художественный критикъ, въ качествѣ котораго онъ былъ почти исключительно извѣстенъ широкой русской публикѣ, состоя въ своемъ родѣ присяжнымъ оцѣнщикомъ художественныхъ произведеній русскаго искусства въ теченіе 60 лѣтъ безъ малаго. Первые критическія письма В. В. Стасова о послѣднихъ произведеніяхъ Карла Брюллова были напечатаны въ 1847 году, а послѣднія незадолго до кончины. Критическими статьями, замѣтками, обзорными за 25 лѣтъ русскаго искусства, за все XIX-е столѣтіе—искусства обще-европейскаго, а главное отчетами о выставкахъ и біографіями художниковъ, наполнено не менѣе двухъ томовъ полнаго собранія его сочиненій. Ни пересказать, хотя бы вкратцѣ, содержаніе всѣхъ этихъ статей, ни перечислить имена прославлявшихся имъ мастеровъ, ни резюмировать разнообразность всегда жаркой полемики—не представляется возможнымъ въ имирологѣ. Разборъ всего этого матеріала будетъ, конечно, когда-нибудь сдѣланъ болѣе опытной рукой и, главное, по всестороннимъ матеріаламъ: для освѣщенія многихъ статей покойнаго необходимо пересмотрѣть его обширную корреспонденцію, заботливо имъ сохраненную и переданную въ здѣшнюю публичную бібліотеку. Еще менѣе

возможно было бы въ настоящее время изъ всего этого материала извлечь сразу историческій процессъ хода мыслей и сложениѣ взглядовъ покойнаго на искусство. Достаточно здѣсь въ похвалу ему сказать, что взгляды эти были неизмѣнно послѣдовательны, а чувства его и отношенія искренни и неподкупны. Если онъ, еще молодымъ человѣкомъ, восхищался Брюлловымъ, то и впоследствии, когда онъ того же Карла Брюллова порицалъ за дурное изображеніе послѣднихъ дней Помпея, онъ всегда восхвалялъ его, какъ первокласснаго портретиста и талантливаго художника. Какъ съ самаго начала В. В. Стасовъ принялъ горячее участіе въ переломѣ искусства, совершившемся на протяженіи сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, какъ поклонникъ реализма и національности (всего характернаго), такъ и до послѣднихъ дней своихъ онъ, какъ критикъ, всегда оставался въ тѣснѣйшей связи съ группою передвижниковъ и всегда являлся открытымъ врагомъ академической школьной рутины и принятыхъ формулъ. Ограничимся только напоминаніемъ того, какъ много сдѣлалъ В. В. Стасовъ для нашего общественнаго пониманія, выдвигая на первый планъ работы передвижниковъ, разъясняя, истолковывая большой публикѣ ихъ содержаніе, увлекая живымъ словомъ своихъ отчетовъ къ спорамъ и художественнымъ бесѣдамъ, рождая жизнь тамъ, гдѣ до него, надо прямо говорить, ее вовсе не было. Статьи и замѣтки В. В. Стасова написаны такимъ живымъ слогомъ, что даже теперь, когда уже нѣтъ этихъ всемірныхъ выставокъ, когда убраны эти, интересовавшія всѣхъ, русскія картины, или покоятся въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ, эти статьи читаются, въ своемъ родѣ, какъ художественныя картинки съ натуры, какъ талантливые фельетоны давно минувшаго времени. Вотъ, напримѣръ, ему хочется дать своимъ читателямъ живое понятіе о томъ, какъ небрежно, а бы сказать, шаршаво, устроенъ русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ, и онъ помѣщаетъ цѣлый разговоръ о наивныхъ хлопотахъ Ивана Ивановича съ Петромъ Петровичемъ. „У другихъ націй, говоритъ Стасовъ,—сборы на выставку—праздникъ, у насъ скорѣе они похожи на похороны. Заграницей—голосъ свободныхъ, цѣнящихъ себя художниковъ, здѣсь—тоскливые пересуды слугъ, ждущихъ барсваго суда“. Понятно, какъ В. В. Стасову, талантливѣйшему борцу за русское самобытное искусство, было горько всегда и всюду при видѣ нашего неумѣнья, излишнихъ претензій, нашего самодурства и нашей неумытости. За то никого не радовали болѣе наши успѣхи, будь то новая картина Рѣпина, или даже небольшая статуетка и акварельный набросокъ. Исторія рус-

скаго искусства останется всегда связанной съ именемъ В. В. Стасова. Нечего говорить затѣмъ, какое бодрящее, живое настроеніе производили всѣ статьи В. В. Стасова въ самой средѣ художниковъ, какъ бы обездоленной съ того времени, когда онъ пересталъ писать свои замѣтки и критическія обзорѣнія. Обзорѣвая движеніе архитектуры, правда, по преимуществу на западѣ, онъ, въ цѣломъ рядѣ краснорѣчивыхъ писемъ съ выставокъ, восхищался новой архитектурой изъ желѣза и стекла. Мы теперь знаемъ, конечно, какъ быстро выродилась эта такъ называемая „архитектура“ сейчасъ же послѣ хрустального дворца, не давъ ничего серьезнаго, въ смыслѣ формъ, и явившись по существу дѣла на службу базару, рынку, вокзалу, крытой галлерей, а не чело-вѣческому жилищу, которое продолжало оставаться такимъ же неудобнымъ, столь же некрасивымъ и особенно рутиннымъ. Съ такимъ же живымъ энтузіазмомъ отзывался нашъ русскій критикъ на обновленіе художественной промышленности въ западномъ искусствѣ, на расширеніе ролей восточнаго искусства въ современной европейской производительности. Правда, и здѣсь пользованіе восточными образцами пошло исключительно на пользу декоративной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли по существу припесло съ собою для европейскаго искусства это монструозное поглощеніе европейскими выставками и жилищами несмѣтнаго количества фарфоровыхъ и бронзовыхъ вазъ, начиная отъ самыхъ большихъ размѣровъ ихъ и кончая самыми миниатюрными, всякихъ лакированныхъ подносовъ, ширмъ, опахалъ и матерій?

Не менѣе любопытно будетъ для историка то открыто враждебное отношеніе, въ которое всталъ покойный критикъ по отношенію къ такъ называемому „декадентству“, дѣйствительно болѣзненному явленію, ознаменовавшему собою послѣднюю четверть проплага вѣка въ искусствѣ западной Европы. Правду говоря, въ оцѣнкѣ этого явленія В. В. Стасову недоставало полнаго историческаго безпристрастія и даже, попросту говоря, настоящихъ историческихъ сиравокъ; послѣднія, проведенныя въ достаточно широкомъ размѣрѣ, могли бы легко объяснить, почему художественное направленіе, называемое декадентствомъ, только про шумѣвъ, какъ выражается самъ В. В. Стасовъ, довольно изрядно во Франціи, быстро склонилось къ своему закату, но выкинуло рядъ многочисленныхъ отпрысковъ и вѣтвей въ Германіи (Беклингъ, Штукъ и др.). Во Франціи это направленіе искусства существовало издавна и выражалось наиболѣе часто, не только въ импрессионизмѣ, но и въ наивной орнаментикѣ, пользовавшейся средне-

вѣковыми, преимущественно романскими, образцами. Тамъ эти формы были дѣломъ привычнымъ, которое не могло образовать прочной моды и породить сектантовъ упрямыхъ и неподатливыхъ, какъ въ Германіи. Правда, декаденты очень быстро перешли отъ этой игры въ наивномъ средневѣковомъ стилѣ къ такой разпузданной художественной формѣ, которая стремилась уже болѣе поражать скромныхъ буржуа неестественными позами, негнѣнымъ колоритомъ, фантастическими тонами тѣла, чудовищными комбинаціями формъ натуральныхъ и естественныхъ. Всего болѣе оскорбительнымъ являлось для В. В. Стасова, поклонника содержанія въ искусствѣ, общественнаго значенія его, его національной роли, то, что отнынѣ было объявлено существованіе искусства для искусства, служащаго для любованія зрителя красками и формами, помимо идеи, натуры, реальности и естественности. Глупость и ничтожество мотивовъ, которыми стали пробавляться художники-декаденты, общее сумасбродство впечатлѣнія, ихъ отвращеніе отъ реальности и преданность личнымъ фантазіямъ, вмѣсто декоративности, нагроможденіе красокъ, цвѣтовъ и орнаментовъ, фантастическая ряженость фигуръ и самихъ сюжетовъ, все это вызвало въ критическихъ статьяхъ В. В. Стасова рѣзкій отпоръ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ. Для характеристики покойнаго критика, его картиннаго слога (хотя порою рѣзкаго, слишкомъ реальнаго, сообразно съ его вкусомъ, нѣсколько крикливаго и беспорядочнаго)—приведемъ изъ его послѣдняго сочиненія его заключеніе о нашихъ собственныхъ декадентахъ: „Что касается русскихъ декадентовъ, то они представляютъ собою еще болѣе удивительный фактъ, чѣмъ декаденты прочихъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ даже и наши финляндскіе декаденты. Они ретиво преданы своему безумному и негнѣпому дѣлу, готовы карбаться ради него на стѣну и претерпѣвать за него какія угодно невзгоды со стороны здраваго смысла, даже пріять мученичeskій вѣнецъ, но все это только совершенно платонически, съ чужого голоса, только изъ подражанія. Сами же они не совершили ровно ничего декадентскаго, не взяли ни одной своей собственной ноты. Все у нихъ чужое, все—плачевное подражаніе. Иностранные декаденты все-таки что-нибудь да дѣлаютъ, русскіе—ровно ничего и только все разговариваютъ, шпшутъ, спорятъ, но сами они—ни съ мѣста. Гдѣ результаты ихъ дѣятельности? Нѣтъ русскихъ декадентскихъ картинъ, да и только! Если бы Врубель не написалъ своего изумительнаго пана „Утро“, отъ котораго весь Петербургъ въ одинъ голосъ тапъ и ахнулъ въ 1898 году, если бы онъ не написалъ своего безобразнаго

триптиха „Судъ Париса“ въ 1899 году, да еще своихъ уродливыхъ „Демона“ и „Пана“, если бы г. Малявинъ не написалъ въ 1900 г. своихъ ужасныхъ красныхъ бабъ, а въ 1901 году свой, не менѣе ужасный, и даже вовсе невѣроятный портретъ Рѣпина, то нечего даже было бы и показывать изъ „картинъ“ русскихъ декадентовъ—ихъ нѣтъ. Каракули, раскоряки и смѣхотворные боскеты г. Сомова въ счетъ не могутъ же идти. Это лишь невинныя дѣтскія шалости. Все декадентство нашихъ декадентовъ состоитъ только изъ декадентскихъ разговоровъ въ родѣ европейскихъ декадентовъ“. Мы ясно видимъ, до чего все это пристрастно и нетерпимо, и не только въ этомъ случаѣ намѣренно прикрито и умолчано несомнѣнное значеніе такъ называемаго „новаго искусства“ въ орнаментикѣ; пусть орнаментъ не составляетъ собою искусства, а есть только его подготовка, почва для него, его составной элементъ. Въ данномъ вопросѣ В. В. Стасовъ не могъ быть историкомъ и являлся попрежнему критикомъ.

Въ концѣ концовъ, мы въ своемъ перечнѣ должны хотя упомянуть большую разнообразную дѣятельность покойнаго писателя по развитію русской музыки, которая въ цѣломъ рядѣ статей, біографій и полемическихъ отвѣтовъ звучала громче другихъ и въ жизни В. В. Стасова и въ литературѣ. Но въ данномъ случаѣ было бы необходимо имѣть передъ собою не только компетентное обзорнѣе этой его дѣятельности, но и разъясненіе ея внутренней исторіи.

Вообще говоря, писать некрологъ В. В. Стасова можно только въ видѣ выраженія чувства благодарности къ покойному за то, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы и науки. Очевидно, недостаточно некрологовъ, хотя бы по разнымъ вѣтвямъ этой дѣятельности. Нужно было бы подумать о составленіи біографіи В. В. Стасова, съ тѣмъ, чтобы ея отдѣлы были поручены особымъ специалистамъ. Было бы желательно также имѣть отзывы и воспоминанія отъ разнообразныхъ лицъ, близко знавшихъ В. В. Стасова, пользовавшихся его руководствомъ или его указаніями и помощью. Въ адресѣ, поданномъ В. В. Стасову 15-го іюля 1886 г., по случаю празднованія сорокалѣтія его литературной дѣятельности, художники, обращаясь къ нему, ему говорили: „черезъ всѣмъ намъ любезный и хорошо знакомый кабинетъ вашъ въ публичной библиотекѣ проходитъ уже столько лѣтъ непрерывная вереница самыхъ разнообразныхъ людей и дѣлъ по части наукъ, искусствъ, промышленности, разныхъ техническихъ знаній. Въ немъ постоянно находятъ они ободреніе и развитіе своихъ идей и часто получаютъ новыя, но исчислять теперь все это нѣтъ никакой возмож-

ности—это достанется на долю вашего будущего біографа. И я самъ бывалъ въ этомъ угловомъ кабинетѣ В. В. Стасова и пользовался его совѣтами и помощью и никогда не забуду, какую скрупулезную рачительность проявлялъ покойный въ дѣлѣ изданія византійскихъ эмалей. У В. В. Стасова дѣло никогда не расходилось со словомъ и, если разъ онъ брался за что-либо,—онъ дѣйствительно прилагалъ къ этому дѣлу свою душу. Онъ увлекался, онъ не чуждъ былъ заблужденій, но онъ всегда былъ искрененъ и горячо преданъ своей идее. Въ немъ не было никогда моментовъ затаеннаго коварства, онъ чуждъ былъ всякихъ подлоповъ и инсинуацій и всякаго мелочного себялюбія. Онъ готовъ былъ десять разъ прѣхать къ человѣку по дѣлу, ого интересовавшему, хотя бы это дѣло вовсе не касалось его лично. На него нападали со всѣхъ сторонъ, его чуть не ежедневно (въ нѣмь зимніе мѣсяцы) ругали и поносили печатно, травили намѣренно, вызывая на крайности, и онъ дѣйствовалъ въ литературѣ подъ гнетомъ смѣшныхъ прозвищъ, карикатурныхъ подражаній, пересмѣшекъ и самодовольнаго балагурства на его счетъ. Но это былъ человѣкъ съ необыкновенной жизненной энергіей, державшій внутри себя нѣкое скрытое пламя и, если унывавшій по временамъ на нѣсколько дней; подъ впечатлѣніемъ недавняго газетнаго скандала, имъ вызваннаго, то постоянно, въ теченіе 60 лѣтъ, находившій въ себѣ самомъ поддержку на новое раторство.

Понятно, онъ не былъ чуждъ извѣстнаго малодушія, въ частности литературнаго, этой новѣйшей маніи, которая ставитъ литературный успѣхъ конкретною задачею своей жизни, принимаетъ его за нѣчто серьезное, достойное вниманія и заботы и, главное, оцѣниваетъ его по фразамъ рецензій, похваламъ пріятелей и брани противниковъ. На Владимірѣ Васильевичѣ Стасовѣ, казалось бы, всего лучше можно видѣть всю малозначительность литературныхъ отзыовъ и критики. Именно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ наиболѣе претерпѣвалъ отъ своихъ противниковъ, отчасти именно тамъ онъ обрѣлъ наиболѣе значительный успѣхъ и его проповѣдь получила историческое значеніе: Пусть послужитъ это столько же доброй памяти человѣка истинно свободолюбиваго, безусловно искренняго во всѣхъ своихъ вкусахъ и увлеченіяхъ, сколько завѣтомъ всякому выступающему съ новымъ починомъ въ области духа.

Н. Кошдановъ.